

Д. А. Карпук

МИТРОПОЛИТ МАКАРИЙ (БУЛГАКОВ) И ДУХОВНАЯ ЦЕНзуРА В XIX СТОЛЕТИИ

Митрополит Макарий (Булгаков) является одним из самых выдающихся архиереев XIX столетия. Широкую известность не только в Российской империи, но и за ее пределами владыке Макарию принесли его фундаментальные исследования по богословию и церковной истории. В бытность инспектором и профессором столичной духовной академии ему впервые пришлось столкнуться с духовной цензурой. И с этого времени митрополит Макарий был связан с ней на долгое время. Во-первых, сначала как член Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета, действовавшего при академии. Во-вторых, как автор богословских работ и церковно-исторических исследований. Несмотря на архиерейский статус и авторитет владыки Макария в научных кругах, духовная цензура в лице разных своих представителей довольно строго подходила к его трудам. Некоторые сочинения приходилось серьезно переделывать, разрешение на публикацию других приходилось ожидать годами. В-третьих, в 1870 г. по инициативе тогдашнего обер-прокурора Св. Синода была учреждена Комиссия по пересмотру действовавшего устава духовной цензуры, председателем которой был назначен именно митрополит Макарий. Предложения Комиссии, вынесенные на рассмотрение Св. Синода, позволяют утверждать, что владыка Макарий был человеком чрезвычайно широких взглядов, по некоторым вопросам даже опережавшим свое время.

Ключевые слова: митрополит Макарий (Булгаков), митрополит Филарет (Дроздов), архиепископ Иннокентий (Борисов), митрополит Григорий (Постников), граф Д. А. Толстой, Санкт-Петербургская духовная академия, духовная цензура, обер-прокурор Святейшего Синода, Санкт-Петербургский духовный цензурный комитет.

Митрополит Макарий (Булгаков) (1816–1882), благодаря премиям его имени и многочисленным научным работам, хорошо известен не только как Московский митрополит, но и как крупнейший богослов и церковный историк XIX в. Выпускник Киевской духовной академии Макарий (Булгаков) в сане иеромонаха указом Св. Синода был переведен в Санкт-Петербургскую духовную академию в 1842 г. В столичной академии, куда его назначили по ходатайству тогдашнего ректора архимандрита Афанасия

Дмитрий Андреевич Карпук — кандидат богословия, преподаватель и секретарь кафедры церковно-исторических дисциплин, заведующий аспирантурой и архивом Санкт-Петербургской духовной академии (dimand3@yandex.ru).



Митрополит Макарий (Булгаков)
(1816–1882)

(Дроздова)¹, Макарий пробыл 15 лет, вплоть до 1857 г., и прошел все звания и должности, начиная с помощника инспектора до ректора и с бакалавра до заслуженного ординарного профессора. Именно в столичной духовной академии ему пришлось впервые столкнуться с духовной цензурой. И с этого времени митрополит Макарий был связан с ней на долгое время, наверное, как никто другой из его современников. Во-первых, сначала как член Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета, действовавшего при академии до конца 50-х гг. XIX в. Во-вторых, как автор богословских работ и церковно-исторических исследований. В дальнейшем, несмотря на архиерейский статус и авторитет владыки Макария

в научных кругах, духовная цензура в лице разных своих представителей довольно строго подходила к его трудам. Некоторые сочинения приходилось серьезно переделывать, разрешение на публикацию других приходилось ожидать годами. В-третьих, в 1870 г. тогда архиепископу Макарию, не понаслышке знавшему все положительные и отрицательные стороны духовно-цензурного контроля, представилась возможность кардинально изменить и улучшить ситуацию в этой сфере. По инициативе тогдашнего обер-прокурора Св. Синода графа Д. А. Толстого была учреждена Комиссия по пересмотру действовавшего устава духовной цензуры. Председателем Комиссии был назначен именно владыка Макарий.

Итак, указом Св. Синода от 16 октября — 17 ноября 1844 г. архимандрит Макарий был определен членом Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета вместо инспектора академии архимандрита Иоасафа (Покровского). Как и его предшественник, отец Макарий был сверхштатным четвертым членом цензурного комитета. В число его обязанностей входило рассмотрение статей для академического

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 123. Д. 751. Л. 1–3.

журнала «Христианское чтение», а также общее наблюдение за ходом дел в комитете².

Биограф митрополита Макария (Булгакова) профессор протоиерей Феодор Титов считает, что архимандрит Макарий был самым желательным цензором для начальства, которое видело в нем человека исполнительного и ответственного. Но с большим почтением и уважением к отцу Макарию относились и авторы, представлявшие свои рукописи в Санкт-Петербургский духовно-цензурный комитет. Для них было важно, что архимандрит Макарий был человеком аккуратным, благородным и, что особенно важно, гуманным. Именно благодаря всем этим качествам отец Макарий в скором времени стал самым популярным представителем столичной духовной цензуры. Это объяснялось, во-первых, тем, что он снисходительно относился к авторским ошибкам или чрезмерно оригинальным мыслям, что не приветствовалось высшей церковной властью. Во-вторых, и это тоже было чрезвычайно важно, он всегда цензурировал сочинения и разрешал их к печати в кратчайшие сроки, в то время как некоторые его коллеги могли задерживать рукописи не только на месяцы, но даже на годы. Сказывалась любовь архимандрита Макария быть точным и аккуратным во всем³.

Именно архимандрита Макария просили «посмотреть, чтобы рукопись не завалилась долго на полках комитетских, как это иногда бывает» такие лица, как архиепископ Иннокентий (Борисов), епископ Анатолий (Мартыновский), Я. К. Амфитеатров, О. М. Бодянский и др.⁴ Вот как обращается к своему бывшему ученику профессор Киевской духовной академии Я. К. Амфитеатров по поводу своей рукописи: «Примите, ради всех святых примите ее под свою опеку и защищение и изведите душу ее и мою... Сделайте милость. Будьте ласковы, пропустите... Как бы я рад был, если бы вашим именем была запечатлена моя горькая работа... Крестите, т. е. исправляйте, и вы там сколько хотите. Впрочем, ересей у меня нет»⁵. Примечательно, что в данном случае речь идет о «Чтениях о церковной словесности, или Гомилетике», работе, которая впоследствии станет «основой для создания русского

² Чистович И. А. История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857. С. 419.

³ Титов Ф. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Историко-биографический очерк. Киев, 1895. Т. I: Годы детства, образования и духовно-училищной службы митр. Макария (1816–1857 г.). С. 216.

⁴ Котович А. Н. Духовная цензура в России (1799–1855 гг.). СПб., 1909. С. 405.

⁵ Там же.

национального стиля церковной проповеди, расцвет которого приходится на 2-ю половину XIX — начало XX в.»⁶.

Очень близкие и даже, можно сказать, дружеские отношения сложились у архимандрита Макария с архиепископом Иннокентием (Борисовым). Так, последний в октябре 1846 г. пишет о своих великопостных поучениях: «Доброго здоровья и успеха в ученых и общепользных трудах, достопочтеннейшему о. Макарию. Если есть между ними минута свободы, то благоволите уделить ее нам и выслушать нашу просьбу. Дело в следующем. На сей же почте посылается от меня в ваш цензурный Комитет небольшое собрание великопостных поучений, предназначенных к изданию в свет. Мне хотелось бы получить их обратно поскорее. Дабы, если получится на то позволение, успеть напечатать до великого поста. Времени, по-видимому, еще немало, но типография здесь так медленна, что от нее трудно ожидать, что кончит печатать заблаговременно. Между тем, заботясь об ускорении дела, я вместе с сим прошу Вас отложить совершенно всякий этикет и, не стесняясь ничем, отметить официально, или сказать мне лично, что, по вашему мнению, следовало бы исключить или изменить: все будет выполнено со всею точностию, хотя бы для сего нужно оставить без употребления полкниги»⁷.

Разумеется, отец Макарий при чтении материалов такого почтенного автора проявил максимум пунктуальности и деликатности. Меньше чем через три недели он уже отвечает владыке Иннокентию, что просмотрел и одобрил его рукопись: «Осмеливаюсь при этом принести вашему высокопреосвященству мою искреннюю признательность за то душевное наслаждение, какое, в преизбытке, испытал я при чтении этой рукописи. Пользуясь данным вами правом обозначать на ней свои недоумения, я кое-где выразил их чертами карандаша (хотя обычно все такие места помечались цензорами красными чернилами. — Д.К.); но все они, как сами изволите увидеть, совершенно маловажны и, по вашему усмотрению, могут быть вытерты резинкою»⁸. В ответ на это владыка Иннокентий в следующем письме выражает сожаление, что цензор был слишком снисходителен к его текстам: «Но вы слишком благи: нам бы желалось, чтоб вы были суровее». Однако и после прочтения

⁶ Волков А. А. Амфитеатров Яков Космич // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 206.

⁷ Титов Ф. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский... С. 216–217.

⁸ Барсов Н. И. Письма Макария митрополита Московского к Иннокентию, Архиепископу Херсонскому и Таврическому // Христианское чтение. 1884. № 5–6. С. 801–802.

следующей рукописи высокопреосвященного автора отец Макарий вновь просит прощение за свое вмешательство в авторский текст: «И в настоящий раз, каюсь перед вами, я не мог быть строгим критиком. Вы знаете, что для этого нужно немало времени, полная осмотрительность и сообразительность... Впрочем, в двух-трех проповедях я кое-что изменил или выпустил, по своему крайнему разумению. Если вам угодно, уничтожьте мои изменения, и пусть будет все по-старому. Не нам, скажу чистосердечно, ученикам учеников ваших — быть вам в чем-нибудь учителями»⁹.

Попутно следует заметить, что архимандрит Макарий имел непосредственное отношение к изданию академического журнала «Христианское чтение». И в круг его обязанностей в данном случае входил также поиск авторов и материалов. В 1847 г. отец Макарий обращается к владыке Иннокентию с просьбой прислать несколько слов и поучений для академического издания, не скрывая, что они влияют на популярность, а значит и на тираж журнала и, соответственно, на материальное его положение: «Не оставляйте, ради Бога и ваших бесчисленных почитателей, надеяться наше „Христианское чтение“ вашими сладостно-назидательными поучениями. Нам, в частности, это не бескорыстно: что греха таить?»¹⁰. Спустя четыре года, в 1851 г., будучи уже ректором и архиереем, епископ Макарий вновь умоляет владыку Иннокентия оживить столичный академический журнал своими беседами.

Таким образом, отношения двух выдающихся современников были и взаимовыгодными. Именно по инициативе архиепископа Иннокентия в 1847 г. архимандрит Макарий был удостоен докторской степени. Дело в том, что в этом году отец Макарий опубликовал «Введение в православное богословие». Данное сочинение было предложено преподнести Николаю I. По поручению Св. Синода архиепископ Иннокентий должен был просмотреть сочинение отца Макария и дать ответ, можно ли эту книгу преподнести императору. В своем отзыве владыка Иннокентий отметил, что «книга сия и по важности своего содержания, и по способу изложения предметов, и по значительности труда, коего стоила она сочинителю» может быть преподнесена в качестве дара главе государства. Одновременно с этим владыка высказал мнение, что будет вполне справедливо отца Макария, «как за сей новый ученый труд, так и за предшествовавшие, — особенно по истории Русской Церкви»,

⁹ Титов Ф. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский... С. 218–219.

¹⁰ Там же. С. 378.

удостоить докторской степени¹¹. Данное ходатайство владыки Иннокентия, как, впрочем, и митрополита Санкт-Петербургского Антония (Рафальского), было удовлетворено, и 31 октября 1847 г. архимандрит Макарий был удостоен степени доктора богословия.

Что же касается цензурской деятельности архимандрита Макария, то дореволюционный исследователь духовной цензуры А. Н. Котович обратил внимание на любопытную деталь, а именно на то, что цензурской благожелательностью отца Макария имели возможность пользоваться лишь лица, близкие к нему по Киевской духовной академии. Другими словами, отец Макарий «давал отзывы об отдельных сочинениях лишь в виде исключения — ради „земляков“»¹². Как уже было упомянуто, в число обращавшихся входили владыка Иннокентий, профессор Я. К. Амфитеатров. Кроме того, отец Макарий способствовал выходу в свет исследований профессора Киевской духовной академии протоиерея Иоанна Скворцова «Краткое начертание истории церкви ветхозаветной» (четвертое изд.) и «Краткое начертание истории церкви новозаветной» (третье изд.).

Также именно отец Макарий дал разрешение на публикацию «Воскресных бесед» (СПб., 1847) архиепископа Курского Илиодора (Чистякова). Впрочем, об отношениях отца Макария и владыки Илиодора следует сказать отдельно. Владыка Илиодор, возглавляя Курскую и Белгородскую епархию, заметил в семинарии особые дарования тогда еще Михаила Петровича Булгакова. И с того времени стал ему особо покровительствовать. Архиерей оказывал ему материальную поддержку, приглашал погостить в свой дом на время каникул, а в 1837 г., по окончании им Курской духовной семинарии, направил его в Киевскую духовную академию¹³. Но и это еще не все. Архимандрит Макарий первоначально подготовил свое вышеупомянутое «Введение в православное богословие» к печати в виде трех выпусков, каждый из которых поэтапно отправлялся на рассмотрение духовных цензоров. В Санкт-Петербургском духовном цензурном комитете материалы рассматривал архимандрит Аввакум (Честной). Далее рукописи поступали на рассмотрение в Св. Синод, который поручил изучение данных текстов именно архиепископу Илиодору. Последний пропустил к печати все три выпуска

¹¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 127. Д. 1611. Л. 17–19.

¹² Котович А. Н. Духовная цензура в России... С. 406.

¹³ Раздорский А. И., Д. Б. К. Илиодор (Чистяков), архиеп. Курский и Белгородский // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 22. С. 234.

без каких бы то ни было критических замечаний. Только в своем первом отзыве он порекомендовал заменить первоначальное авторское название «Энциклопедия Православного Богословия» на другое, «более сообразное с существом дела»¹⁴.

Подобного рода случаи взаимопомощи и взаимодействия между цензорами и авторами не были исключениями. Скорее наоборот, в этом можно видеть некое правило, когда авторы, особенно много и часто пишущие, устанавливали особые доверительные отношения с тем или иным цензором. Впоследствии, будучи архиепископом Харьковским, владыка Макарий, направляя через своего брата протоиерея



Святитель Иннокентий (Борисов), архиепископ Херсонский (1800–1857)

Александра Булгакова, настоятеля Казанского собора в Санкт-Петербурге, свои проповеди на цензуру в столичный комитет, давал ему следующие указания: «И потрудитесь, братец, попросить секретаря — Чистовича¹⁵, чтобы рукопись была рассмотрена поскорее, и именно о. Сергием¹⁶, который цензуровал и прежде мои проповеди»¹⁷.

Уволен архимандрит Макарий от должности сверхштатного члена Санкт-Петербургского духовно-цензурного комитета был согласно собственному прошению определением Св. Синода от 9(16) января 1848 г., проработав, таким образом, на этой должности чуть более трех лет.

Любопытно отметить, что, будучи сверхштатным сотрудником цензурного комитета, архимандрит Макарий исполнял эту должность совершенно бескорыстно, не получая никакого вознаграждения за свой труд. Только один раз за все время своего цензурского служения он получил

¹⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 127. Д. 1611. Л. 1–14.

¹⁵ Чистович И. А. (1828–1893) — профессор Санкт-Петербургской духовной академии.

¹⁶ Архимандрит Сергей (Назаретский) — член Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета.

¹⁷ Титов Ф., прот. Московский митрополит Макарий Булгаков. Киев, 1915. Т. III: Литовский период в жизни митрополита Макария (1868–1879 гг.). Епархиальная деятельность митрополита в Литве и приложения. С. CLXII.

материальное вознаграждение в размере годового оклада штатного духовного цензора 228 р. 75 к. серебром. Ходатайство об этом вознаграждении приняли штатные члены Санкт-Петербургского комитета на своем заседании от 16 января 1847 г.: «Приняв во внимание, что инспектор академии, архимандрит Макарий, состоя сверхштатным членом более двух лет, во все время своей службы в комитете не получал за труды свои никакого возмездия, а между тем сверх статей, назначаемых для помещения в „Христианском чтении“, он рассматривал и другие сочинения, равно как имел участие в рассмотрении сочинений, подлежащих общему суду всех членов комитета»¹⁸. Через конференцию (с 1869 г. — Совет) Санкт-Петербургской духовной академии данное ходатайство было направлено в Синод, который не оставил его без внимания. Правда, здесь тоже есть любопытная деталь. Дело в том, что, ходатайствуя о единовременном жалованье, члены академической конференции обратили внимание на тот факт, что предшественник Макария архимандрит Иосиф, проработав на этой же должности чуть более года, получил годовое жалованье в размере 228 р. 75 к. Макарию же, трудившемуся на момент обращения уже более двух лет, академическая конференция просила выдать 300 рублей. Однако Синод данное ходатайство не поддержал¹⁹.

Последующая деятельность Макария (Булгакова) была связана с духовной цензурой, но только уже как автора, обязанного, как и все вообще духовные писатели, подавать свои рукописи на предварительное рассмотрение и одобрение духовных цензоров. И далеко не всегда у владыки Макария здесь все было гладко. Особенно это касается богословских сочинений, хотя некоторые сложности возникали и с историческими исследованиями.

Уже первый серьезный богословский труд архимандрита Макария «Введение в догматическое богословие» вызвал неоднозначную реакцию. С одной стороны, как уже отмечалось, — благодарности и докторская степень. С другой, в частных письмах митрополита Филарета (Дроздова) к А. Н. Муравьеву, А. С. Хомякова к А. Н. Попову, епископа, впоследствии архиепископа Филарета (Гумилевского) к протоиерею А. В. Горскому высказывалось много самой нелюбезной критики в адрес сочинения и самого автора²⁰. Примечательно, что «Введение» в 1848 г. было предоставлено в Св. Синод для получения разрешения на второе издание,

¹⁸ Титов Ф. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский... Т. I. С. 226.

¹⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 128. Д. 244. Л. 1–3.

²⁰ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1896. Кн. 10. С. 4–6.

однако после вторичного цензурирования архиепископа, впоследствии митрополита Григория (Постникова) таковое было дано только в 1852 г.²¹

Продолжением «Введения», как известно, стало 5-томное «Православно-догматическое богословие» (Т. 1. 1849; Т. 2. 1851; Т. 3. 1851; Т. 4. 1852; Т. 5. 1853). Этот фундаментальный труд подвел черту под всеми предшествующими попытками в систематическом порядке изложить основные положения православной веры. Один из корреспондентов епископа Макария за эту книгу называл его даже «Макарием Великим»²². Примечательно, что тот же архиепископ Григорий (Постников), цензурировавший первое издание «Догматики» и не высказавший при этом ни одной претензии, при подаче сочинения на цензуру для второго издания был уже не столь благодушен и обратил внимание на целый ряд недостатков, которые, впрочем, разрешил устранить только в случае, если сочинение будет представлено к 3-му изданию. И действительно, с 3-го издания «Догматика» владыки Макария стала выходить в переработанном виде и в 2-х томах²³.

Еще более драматичная судьба была у «Руководства к изучению христианского православно-догматического богословия», составленного владыкой Макарием в 1853 г. Первоначальное авторское название было следующим: «Краткое начертание Православно-Догматического богословия». Данная книга, являвшаяся сжатым изложением предыдущих пяти томов, должна была стать учебником для учащихся духовных семинарий. После одобрения Санкт-Петербургским духовным цензурным комитетом рукопись поступила на цензуру к митрополиту Филарету (Дроздову). Московский святитель представил свой отзыв только в ноябре 1862 г. В сопроводительном письме 10-летнего задержка объяснялась обремененностью «летами и занятиями», а также необходимостью пометать многочисленные недостатки сочинения, предполагавшегося в качестве учебного пособия для семинарий. Однако итоговый отзыв занял менее трех книжных страниц. Большая часть замечаний носит общий характер. Например, по мнению рецензента, в сочинении было много лишних разделов, вполне оправданных в 5-томном издании и лишних в кратком пособии. С другой стороны, разделы о Св. Троице и о Лице Спасителя были изложены, по мнению рецензента, непозволительно кратко. Впрочем, итоговый вердикт был положительным для автора: «„Начертание“ может

²¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 128. Д. 2142. Л. 7.

²² РГИА. Ф. 675. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

²³ РГИА. Ф. 796. Оп. 132. Д. 1903. Л. 17–18.



Митрополит Григорий (Постников)
(1784–1860)

быть полезным руководством для семинарского курса: но для сего, кажется, не излишне принять во внимание предложенные здесь мысли и употребить некоторый труд пересмотра»²⁴. В результате владыка Макарий вынужден был серьезно переработать свое «Руководство» и опубликовал его всего лишь в 1869 г.

Менее драматичная, но также непростая судьба была у исторического исследования, посвященного истории старообрядчества. В 1853 г. при Санкт-Петербургской духовной академии по инициативе архиепископа Григория (Постникова) было учреждено особое миссионерское отделение для подготовки «воспитанников на дело с раскольниками».

В 1855 г. учение о расколе было введено в общий курс академического преподавания, а с 1857 г. во всех духовных академиях были учреждены отдельные кафедры «Учения о русском расколе». В качестве учебного пособия епископ Макарий подготовил и в 1855 г. опубликовал «Историю русского раскола, известного под именем старообрядчества». Рецензентом данного исследования вновь стал архиепископ Григорий. В своем отзыве крупнейший знаток раскола отмечал, что сочинение епископа Макария написано обстоятельно и на основании серьезной источниковой базы. Вместе с тем, владыке Григорию не понравился тот факт, что в столь солидном исследовании ничего не говорится о Мартине еретике: «Но эта История, как История, имеет, по моему мнению, важный недостаток, тот, что в ней нигде не обращено внимания на сказание о Мартине еретике и бывшем на него Соборе; ибо раскольники, опровергая действительность сего сказания, и донныне везде крайне срамят Православную Церковь. Посему сочинителю означенной истории непременно должно было где-нибудь сказать

²⁴ Там же. Л. 23–24; Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. М., 1887. Т. V. Ч. 1. С. 354.

сильное слово в защите Православной Церкви. Но как оно нигде не сказано, то сим подается раскольникам новый случай хулить Православную Церковь»²⁵. Владыка Макарий к этому времени уже опубликовал довольно много статей по древнему периоду русской церковной истории. Более того, в это время уже готовились к изданию первые три тома его многотомной «Истории Русской Церкви». Можно предположить, что владыка Макарий считал, что сказание о Мартине еретике является подлогом (чем оно и было на самом деле). Однако он, с одной стороны, не стал выступать против официальной точки зрения. С другой стороны, чтобы не прослыть дилетантом в области, где он претендовал быть специалистом, владыка Макарий так и не включил в свою «Историю русского раскола» требуемый раздел, а ограничился всего лишь одним предложением и ссылкой на исследование архиепископа Воронежского Игнатия (Семенова) «История о расколах Русской Церкви»²⁶, отметив, что в этом сочинении сказано «решительно все, что только можно сказать против раскольников в защиту подлинности Деяний означенного Собора, и к чему я не мог бы прибавить ничего»²⁷. На этом данная цензурная история и закончилась. Что касается митрополита Московского Филарета, то он впоследствии поблагодарил автора за это сочинение, отмечая в письме, что в данной работе «встречал предметы точнее и полнее изложенные, нежели у трудившихся на сем поприще» до владыки Макария²⁸.

В дальнейшем владыке Макарию суждено было еще сыграть очень важную роль в истории духовной цензуры. Связано это было с очередной попыткой Св. Синода по высочайшему указанию императора Александра II провести реформу духовной цензуры в 1870 г. Необходимость такой реформы после всех тех преобразований, которые произошли в государстве в 60-х гг. XIX в., была очевидной как для авторов, переводчиков и издателей, так и для самих членов духовных цензурных комитетов.

Эпоха Великих реформ существенным образом изменила обстановку в стране. Отмена крепостного права, последовавшие за ней земская и судебная реформы, принятие нового университетского устава — все это

²⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 135. Д. 1951. Л. 3–3 об.

²⁶ См.: Макарий (Булгаков), еп. История русского раскола, известного под именем старообрядчества. СПб., 1855. С. 3.

²⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 136. Д. 409; Ф. 807. Оп. 2. Д. 1355. Л. 18–20.

²⁸ Письма Филарета, митрополита Московского, к Макарию, митрополиту Московскому // Церковный вестник. 1883. № 13. С. 10.

не могло не затронуть и сферу цензуры. 6 апреля 1865 г. был принят указ «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати», существенно ослабивший гражданский цензурный контроль. Государство с цензуры предварительной, как самой строгой, медленно, но все же начало переходить на цензуру карательную, более либеральную. Согласно новому закону от предварительной цензуры в Санкт-Петербурге и Москве освобождались все периодические издания, редакции которых заявят о желании выходить без цензуры, оригинальные сочинения объемом от 10 печатных листов и переводные объемом не менее 20 листов. Конечно, послабления касались только столиц, но все наиболее важные журналы и газеты издавались именно там²⁹. Повсеместно от предварительной цензуры освобождались издания правительственных учреждений, образовательных учреждений — академий и университетов, а также разного рода ученых обществ, издания на древних классических языках, чертежи, планы и карты. Автор и издатели всех изданий, вышедших без предварительной цензуры, подлежали в случае нарушения цензурных и других законов судебному преследованию, а редакции периодических изданий — административным взысканиям.

В духовном ведомстве также произошли серьезные изменения. До середины XIX в. на основании действовавшего единственного устава духовной цензуры 1828 г. главными цензурными учреждениями являлись Санкт-Петербургский и Московский духовные цензурные комитеты, функционировавшие при соответствующих духовных академиях. Начиная же с 60-х гг. XIX в. начинает происходить, как кажется, спонтанная, а значит непродуманная децентрализация. Св. Синод начал наделять цензорскими полномочиями различные учреждения и лиц, с этого времени подчиняющихся и отчитывающихся непосредственно Св. Синоду или епархиальным архиереям, а не столичным духовно-цензурным комитетам. И дальше этот процесс только набирал обороты. Так, к началу XX в. в число этих учреждений входили Комиссия при Грузино-Имеретинской синодальной конторе, ведомство протопресвитера военного и морского духовенства, Учебный комитет при Святейшем Синоде, Училищный комитет при Святейшем Синоде, Санкт-Петербургская, Московская, Киевская и Казанская духовные академии, Наблюдательный церковно-певческий совет при Московском Синодальном училище церковного пения, Общество восстановления православного христианства

²⁹ Гринченко Н.А., Патрушева Н.Г., Раскин Д.И. Цензура в России XIX — начала XX вв. // Русские писатели, 1800–1917: биограф. слов. М., 2007. Т. 5. С. 783.

на Кавказе, Совет Казанского братства св. Гурия, Алтайская духовная миссия, Российские духовные миссии в Японии, Китае, Корее и Урмии, Цензурный комитет Алеутской епархии, цензоры епархиальных ведомостей, проповедей и катехизических поучений и местных инородческих изданий³⁰. У каждой структуры были свои полномочия, далеко не всегда четко и ясно прописанные. В результате иногда происходила путаница, приводившая к конфликтным ситуациям, как это случилось, например, после издания с разрешения Киевской духовной академии монографии ее же профессора Н. И. Петрова «Очерки истории украинской литературы XIX века» (Киев, 1884)³¹. И хотя целое дело, появившееся по этому поводу в недрах синодальной канцелярии, возникло позже описываемых событий, очевидно, что беспорядок в духовно-цензурном ведомстве начался именно в рассматриваемый период, т. е. в 60-е гг.

Поскольку правила 1865 г., касавшиеся исключительно гражданской цензуры и не затрагивавшие духовное ведомство, являлись временными, очевидно, что нужно было выработать полноценный цензурный устав. Для реализации этой задачи по указу императора 2 ноября 1869 г. была учреждена особая Комиссия для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати под председательством главноуправляющего II отделением Собственной его императорского величества канцелярии князя С. Н. Урусова.

Князь Урусов в скором времени после начала деятельности Комиссии обратился к обер-прокурору Св. Синода графу Д. А. Толстому с предложением подключиться к данной работе по реформированию цензурного контроля и выработать правила, относящиеся исключительно к духовному ведомству. Граф Толстой данное обращение полностью поддержал и уже 9 января 1870 г. в своем отношении к Святейшему Правительствующему Синоду предложил учредить специальную комиссию для выработки новых правил духовной цензуры, подчеркивая, что устав 1828 г. устарел. Причем в предложении обер-прокурора уже содержался список лиц, которые должны были заняться этим вопросом. Так, в состав Комиссии должны были войти сотрудник Санкт-Петербургского духовно-цензурного комитета архимандрит Ефрем (Рязанцев), прот. Иоанн Яхонтов, профессор СПбДА И. А. Чистович, юрисконсульт при обер-прокуроре Св. Синода В. А. Степанов, исполняющий должность директора Канцелярии обер-прокурора И. А. Ненарокомов и член той же канцелярии

³⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 196. Отд. II. Ст. 2. Д. 76. Л. 44–46.

³¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1884 г. Д. 42.

А. И. Забелин, занимавшейся всем делопроизводством Комиссии³². Таким образом, в случае одобрения (а другое решение и вряд ли было возможно), Св. Синод должен был только назначить председателя, каким и стал по его указанию архиепископ Литовский Макарий (Булгаков). При этом в указе особо подчеркивалось, что проект изменений необходимо подготовить в кратчайшие сроки. Это указание членами новообразованной Комиссии было принято к сведению и исполнению, и уже 10 мая того же года владыка Макарий, будучи человеком пунктуальным и исполнительным, представил в Св. Синод рапорт об исполнении возложенных на Комиссию поручений и препроводил в Синод записку с предложениями по реформированию духовной цензуры³³.

Первой в докладе шла историко-аналитическая часть, в которой рассматривалась сложившаяся в сфере духовно-цензурного контроля в государстве ситуация. Особо отмечалось, что годом рождения духовной цензуры является 1720 г., когда при Петре I вышел первый указ, предусматривавший с этого времени контроль выпускаемой церковными типографиями в Москве, Киеве и Чернигове книжной продукции. Отдельно члены Комиссии останавливались, разумеется, на уставе 1828 г., безнадежно устаревшем к середине XIX в. Устарелость заключалась в том числе в происходящей с 1860 г. децентрализации духовно-цензурного контроля. Ведь с выходом «Епархиальных ведомостей» особые цензоры появились теперь уже в каждом губернском городе. Принятие академического устава 1869 г., с одной стороны, вывело цензурные комитеты из-под ведения высших богословских духовных школ, а с другой, академиям было дано право самостоятельно, под ответственность ректора, издавать свои собственные труды, записки, тезисы и пр. Для многих современников, имевших отношение к издательской деятельности, проведенная в должностных полномочиях грань была далеко не очевидна. Таким образом, Комиссия зафиксировала произошедшие изменения и предложила навести порядок в сфере духовного цензурного контроля. Но не только.

Члены Комиссии не стали ограничивать себя предложениями только неких фасадных преобразований. Бывшие (прот. И. Яхонтов, И. А. Чистович) и действующие (архимандрит Ефрем) цензоры воспользовались предоставленной возможностью поговорить о существующих в сфере духовно-цензурного контроля проблемах в полной мере.

³² РГИА. Ф. 796. Оп. 167. 1886 г. Д. 2258. Л. 3;

³³ РГИА. Ф. 796. Оп. 151. Д. 1422. Л. 1–2, 9.

Во-первых, члены Комиссии отметили, что предварительная духовная цензура в России не достигает своей главной цели: «Назначение существующей у нас предварительной духовной цензуры состоит в ограждении православного общества от распространения в нем учений и мнений, противных православной вере и Церкви. Заблуждение и распространяемое в духе его учение может иметь два источника: или недостающую развитость ума в отношении к известным предметам, след[овательно] непонимание, невежество, или неблагонамеренность, т. е. злую волю, или то и другое вместе. Действие, направленное против невежества, не соединенного с злою волей, может иметь только одну форму наставления, научения, просвещения. Здесь нужен образ действия положительный, воспитательный, руководственный. Стеснительные же меры, по самому свойству невежества, на которое они направлены, весьма легко могут привести, как часто и приводят, к озлоблению, к возбуждению злой воли. Остается другой источник действий, выходящих из неблагонамеренности, или из намеренного распространения заблуждений и вредных учений. Но предупредить все возможные проявления злой воли крайне трудно. Если распространителю того или другого ложного учения заградить путь действия посредством печати, он примет другой способ — или писанного слова, или устного, соберет вокруг себя толпу, секту, партию единомышленников и сделается силою тем более опасною, чем более она будет скрыта от общества и гласности и открытого преследования, что именно и делалось и делается всеми вообще сектантами, и нашими раскольниками, или их вождями — лжеучителями»³⁴. Также Комиссия обращала внимание на то обстоятельство, что в стране вполне законно издается богословская литература католиков, протестантов и т. д. Многие сочинения, являющиеся с точки зрения православной ортодоксии еретическими, издавались тогда на русском языке и получали свободное распространение среди русских православных людей. Духовная же цензура Русской православной церкви никак, естественно, не могла этому воспрепятствовать.

Во-вторых, члены Комиссии высказали, как кажется, крамольную мысль — крамольную для ушедшей в прошлое эпохи Николая I, крамольную для приближающейся эпохи К. П. Победоносцева: «Предварительная цензура принижает всякую мысль, всякую пытливость, как только они выйдут из однажды принятого строя; не дает никакого

³⁴ Там же. Л. 16–16 об.

роста и развития живой деятельности ума, направленного на богословское учение; притупляет всякую энергию в писателях, постоянно напоминая им, чтобы они не сказали лишнего или условно-неправильного слова. Между тем не только правильные исследования, но иногда самые уклонения в учении могут служить только к уяснению и утверждению Божественной истины православного учения, которая не может быть поколеблена человеческими мудрованиями»³⁵. Для подтверждения своей правоты члены Комиссии апеллировали к примерам из истории Древней Церкви. Отмечалось, что первые века христианства, когда не было никакой цензуры и каждый мог свободно высказывать свое мнение по тому или иному вопросу, считаются самым важным периодом в церковной истории во всех отношениях: «Во все периоды истории Церкви сравнительно менее достоуважаемыми временами являются те, в которые не положено никакого вклада в сокровищницу учения, и наиболее уважаемыми те, в которые были делаемы такие, и часто весьма грандиозные, на все века авторитетные, вклады. Но какие были эти времена? Это — великие эпохи первого, второго, третьего, четвертого и пятого веков, — эпохи апостольских мужей, эпохи апологетов, эпохи светил вселенской Церкви — Василиев, Григориев, Златоустов, Афанасиев и других великих вождей Церкви Православной, — эпохи не индифферентного, но живого отношения к христианскому учению, когда человеческая мысль хотя иногда и заблуждалась, даже глубоко заблуждалась, но всегда с энергиею относилась к слову жизни и спасения. Ложные учения и еретические заблуждения миновались и пали, истина же православного учения уяснилась и раскрылась со всех сторон на вселенских соборах и в писаниях Св. Отцев и учителей, и великие памятники ее остались в вечное наследие Православной Церкви»³⁶.

В-третьих, Комиссия соглашалась с некоторыми критиками из числа церковных анонимных публицистов по следующему вопросу. Тот факт, что вся церковная литература издавалась с разрешения Церкви, придавало всем сочинениям, даже самым незначительным, авторитет общецерковный. По крайней мере, какая-то часть простых верующих людей именно так воспринимала разного рода брошюры и даже листовки. Но хуже всего то, и на это члены Комиссии также обратили внимание, что некоторые книги пропускались с ошибками (по вине как авторов, так и цензоров), и в существующих условиях

³⁵ Там же. Л. 17 об.

³⁶ Там же. Л. 17 об. — 18.

эти ошибки приобретали некую своего рода каноничность и все более широкое распространение.

Четвертый пункт, один из наиболее важных и интересных, подтверждал то, о чем так много и часто говорили авторы и издатели, — произвол цензоров: «Предварительная цензура открывает широкий простор произволу цензоров. Не говоря о том, что они могут сами быть на разной степени образования, они могут иногда, по мнительности и личным опасениям, боясь ответственности, задерживать и запрещать то, что на самом деле не заключает в себе ничего прямо неверного или вредного и опасного. Из цензурной практики известны примеры того, что цензор запрещает что-нибудь только потому, что запретить для него безопаснее, хотя и он сам не убежден вполне, чтобы, в случае одобрения, запрещаемое им показалось вредным и опасным»³⁷. Данный пункт особо ценен тем, что о произволе цензоров говорили сами же цензоры!

В-пятых, Комиссия вновь, обращаясь к церковному прошлому, заостряла внимание, что никаких репрессивных мер по отношению к инакомыслящим в древности не применялось: «Лжеучители и еретики открыто проповедывали свое учение между христианами, и распространяли его не только устно, но нередко и чрез свои писания. И между тем, ни со стороны св. Апостолов, ни со стороны их ближайших преемников ни сами они лично, ни проповедуемые ими заблуждения в устной ли то форме, или в письменной, никогда не встречали никакого чисто внешнего препятствия или стеснения. Апостолы и потом пастыри Церкви только наблюдали за всеми появлявшимися лжеучениями, извещали о появлении их православноверующих, чтобы предохранить их от возможных уклонений на сторону ложных учений; обличали, наставляли, убеждали самих лжеучителей и еретиков; иногда писали на сочинения их свои опровержения, даже целые книги; иногда, наконец, когда признавали нужным, собирались на соборы, рассматривали то или другое еретическое учение, осуждали его, отлучали о Церкви самих еретиков и о всем этом оглашали по всему обществу верующих. В Церкви тем дело и оканчивалось»³⁸. Надо полагать, члены Комиссии в данной части своего доклада подразумевали, что от практики преследований можно было отказаться и сейчас.

В настоящее время уже трудно сказать, кто из членов Комиссии какие мысли высказывал при обсуждении указанных вопросов, и какие из них

³⁷ Там же. Л. 19 об.

³⁸ Там же. Л. 20 об. — 21.

принадлежат архиепископу Макарию. Однако не подлежит сомнению тот факт, что, подписавшись под итоговым документом, владыка Макарий засвидетельствовал свое согласие с изложенными там положениями. И это весьма показательно для понимания взглядов владыки Макария на современную ему церковную действительность.

Итоговый вывод Комиссии был крайне неутешителен. Духовно-цензурный контроль имел множество изъянов, а самое главное, он не приводил к своей главной цели: не уберегал общество от распространения разного рода лжеучений и еретических воззрений. Стало понятно, что нужно что-то менять. Члены Комиссии не стали ничего особо придумывать и предложили пойти по стопам гражданского цензурного законодательства, практически полностью повторяя основные положения указа о Временных правилах 1865 г., а где-то идя на еще более либеральные уступки.

Итак, Комиссия предлагала освободить от предварительной цензуры:

а) повсеместно в России:

1) все издания Св. Синода и епархиальных архиереев;

2) все издания духовных академий и духовных учебных обществ;

3) все издания духовного содержания (т. е. творения Св. Отцов и учителей Церкви и все другие произведения древней богословской литературы) на древних классических языках, а также и переводы с этих языков;

4) все сочинения священнослужителей духовно-нравственного содержания;

5) брошюры, в которых содержались выписки из творений Св. Отцов, молитвы и песнопения из богослужебных книг и литографические священные изображения, издаваемые священнослужителями³⁹;

б) в обеих столицах, т. е. в Санкт-Петербурге и Москве:

1) все духовные периодические издания, если издатели сами того пожелают, с освобождением от обязанности вносить залог, налагаемый на издателей светских газет и журналов;

2) все оригинальные духовные сочинения объемом не менее 10 печатных листов, а переводные не менее 20 печатных листов⁴⁰.

Далее Комиссия, пытаясь устранить недосказанность и размытость некоторых положений устава 1828 г., предложила утвердить пункты, по которым все сочинения, подлежавшие предварительной цензуре,

³⁹ В примечании отдельно указывалось, что сочинения, отмеченные в последних двух пунктах, должны были оставаться под наблюдением местных епархиальных архиереев.

⁴⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 151. Д. 1422. Л. 4 об. — 5.

не разрешались бы к печати, а напечатанные без предварительной цензуры подвергались бы судебному преследованию:

а) если в них будет допущено или богохуление, или поношение святых, или порицание православной веры или Церкви, или ругательство над Св. Писанием и Св. таинствами;

б) если в них будут содержаться кощунства, т. е. язвительные насмешки, демонстрирующие явное неуважение к догматам, вселенским канонам и священнодействиям Православной Церкви;

в) если в них будет отвергаться или подрываться божественный авторитет Св. Писания, опровергаться истины православия Греко-Российской Церкви и отвергаться или подрываться догматы Православной Церкви;

г) если эти сочинения будут направлены к привлечению и обращению православных в иное, хотя бы даже и христианское вероисповедание, или же в секту или старообрядчество;

д) если священные изображения, издаваемые при книгах, или отдельно для общественного употребления, будут представляться в соблазнительном виде.

Самым радикальным решением Комиссии стало предложение об упразднении столичных духовных цензурных комитетов и о введении их членов в состав гражданских цензурных комитетов: «Духовная цензура должна быть соединена с светскою в одну общую цензуру под заведыванием *Главного управления* по делам печати при *Министерстве внутренних дел* и соединена так, чтобы не могло произойти никакой опасности для веры и Церкви и нимало не нарушались права церковной власти Св. Синода»⁴¹. По мнению членов Комиссии, такое сотрудничество было бы чрезвычайно полезным и эффективным, во-первых, для непосредственного контроля за литературой и, во-вторых, в плане экономическом, поскольку сокращение штатов привело бы к уменьшению расходов на оплату труда цензоров⁴². Впоследствии, при обсуждении данного проекта в 1881 г., именно данное положение вызвало больше всего нареканий со стороны отдельных представителей высшей церковной власти.

Проект Комиссии, как известно⁴³, был рассмотрен, исправлен, дополнен и утвержден указом от 20 января 1871 г. Далее проект преобразований

⁴¹ Там же. Л. 5.

⁴² Там же. Л. 4 об.

⁴³ Карпук Д. А. Духовная цензура в России во второй половине XIX в. (по материалам фонда Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета) // Христианское чтение. 2015. № 2. С. 228.

был передан в Комиссию князя Урусова, последнее заседание которой состоялось 6 ноября 1871 г. Дальнейшего хода проект не получил, а в 1881 г., при обер-прокуроре К. П. Победоносцеве, синодальным указом от 20 мая предшествующий указ от 20 января 1871 г. был аннулирован⁴⁴.

Следующая попытка реформы духовной цензуры, также безрезультатная, была предпринята только в 1905 г. Тогда, 23 января, по указу императору Николаю II было учреждено Особое совещание для пересмотра действующих о цензуре и печати постановлений под председательством Д. Ф. Кобеко. В состав совещания от духовного ведомства Св. Синодом были направлены епископ Нарвский Антонин (Грановский) и протоиерей А. П. Рождественский. Итоговое решение Совещания в отношении духовной цензуры сводилось к следующим трем положениям: 1) отменить предварительную цензуру для всех книг религиозного содержания; 2) признать необходимым, чтобы редактор православного духовного журнала принадлежал к православному исповеданию, и 3) сохранить предварительную цензуру для рисунков и изображений, в том числе и духовного содержания, выходящих отдельными листами, а также и иллюстрированных открытых писем⁴⁵. Казалось бы, вопрос о предварительной цензуре был решен окончательно, однако церковная власть не пошла на отмену предварительной цензуры и тут же созвала еще одно специальное сугубо церковное совещание, формально проработавшее вплоть до 1911 г. В конце концов оно «распалось частью за смертью некоторых его членов, частью за составлением ими службы, частью же за переменой рода службы»⁴⁶. До революционных событий 1917 г. Русская православная церковь так и не смогла решить, какими же принципами следует руководствоваться в сфере духовно-цензурного контроля.

Возвращаясь к митрополиту Макарию, следует подчеркнуть, что владыка, сам побывав духовным цензором, неоднократно претерпев разного рода стеснения от других духовных цензоров уже как автор, прекрасно видел все многочисленное изъяны и недостатки в сфере духовно-цензурного контроля, существовавшего в России в XIX столетии. Возглавив в 1870 г. Комиссию по пересмотру действовавшего устава духовной цензуры, митрополит Макарий попытался кардинальным образом изменить ситуацию в данной сфере. Сложно сказать, к чему привели бы принятие и реализация того проекта, который был предложен Комиссией.

⁴⁴ РГИА. Ф. 796. 1886 г. Оп. 167. Д. 2258. Л. 17.

⁴⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 196. Отд. II. Ст. 2. Д. 76. Л. 25–25 об.

⁴⁶ Там же. Л. 50 об.

Некоторые его положения были чрезвычайно радикальными, если даже не революционными для своего времени. С другой стороны, Церковь должна была двигаться в сторону либерализации духовно-цензурного контроля, чтобы несколько смягчить то напряжение, которое вырабатывалось и накапливалось (а это самое опасное и страшное) в условиях постоянного давления. Итоговые предложения Комиссии косвенно, конечно, свидетельствуют о том, что митрополит Макарий несколько опережал свое время. Он готов был пойти на столь кардинальные преобразования, о которых другие архиереи боялись даже подумать.

О чем точно говорят постановления данной Комиссии, так это о широте взглядов владыки Макария. Поведение и взгляды владыки в 1870 г. не были неким авантюрным исключением. Не было это и вульгарным потакательством своему покровителю в лице обер-прокурора Св. Синода графа Д. А. Толстого. Несколько позже Макарий, будучи уже Московским митрополитом, вновь явит широту своих взглядов и доброту своей души совершенно неожиданным образом. Неожиданным для всех, даже для многих из его окружения, людей, хорошо его знавших. Имеем в виду материальную помощь, оказанную митрополитом Макарием профессору Московской духовной академии Е. Е. Голубинскому для издания его «Истории Русской Церкви». Общеизвестно, что Голубинский в своем труде критиковал многие положения митрополита Макария, который, тем не менее, выделил необходимую сумму на публикацию этого исследования. Этот поступок явил владыку Макария иерархом широкого кругозора и редкой терпимости к мнениям и убеждениям других, в том числе и своих оппонентов и даже противников, каковых у него было немало. Впоследствии Е. Е. Голубинский посвятил второй том своей «Истории Русской Церкви» митрополиту Макарию, а в своих воспоминаниях отметил, что своим поступком владыка



Обер-прокурор Св. Синода
граф Д. А. Толстой (1823–1889)

удивил не только его, но и вообще многих современников: «От человека обыкновенных качеств души надлежало ожидать, как все и ожидали от преосвященного Макария, что он встретит явившегося соперника если не с открытым, то со скрытым гневом и откажет ему в средствах печататься если не грубо, то как-нибудь благовидно. Но преосвященный Макарий не поступил так, как ожидали, а напротив, поступил так, как вовсе не ожидали; и сие несомненным образом свидетельствует, что он был качеств души далеко не самых обыкновенных. Он был способен и имел готовность жертвовать своим личным самолюбием пользе науки»⁴⁷. Эта история вызвала живейшее обсуждение не только среди духовенства, но и среди светских писателей и интеллигенции. Н. С. Лесков, к примеру, считал, что такой поступок свойственен только истинному любителю просвещения, ставящему интересы науки выше всяких соображений самолюбия, отличающего и свойственного посредственности⁴⁸.

Источники и литература

Источники

1. РГИА. Ф. 675. Оп. 1. Д. 8. Письмо иеромонаха Ириная, Строителя Филлипо-Иранской пустыни, митрополиту Макарию, 28 июля 1851 г.
2. РГИА. Ф. 796. Оп. 123. Д. 751. О назначении бакалавром в Санкт-Петербургскую академию на класс богословия бакалавра Киевской академии иеромонаха Макария.
3. РГИА. Ф. 796. Оп. 127. Д. 1611. О рукописи под названием: Энциклопедия Православного богословия, выпуск 1-й, 2-й и 3-й.
4. РГИА. Ф. 796. Оп. 128. Д. 2142. О книге под названием «Введение в Православное Богословие» соч. архимандрита Макария.
5. РГИА. Ф. 796. Оп. 128. Д. 244. О вознаграждении инспектора С.-Петербургской Духовной Академии архимандрита Макария годовым окладом жалованья.
6. РГИА. Ф. 796. Оп. 132. Д. 1903. О сочинении ректора С.-Петербургской духовной академии, епископа Винницкого Макария, под названием: 1) «Введение в Православно-догматическое богословие», 2) «Православно-Догматическое

⁴⁷ Полунов А. Ю., Соловьев И. В. Жизнь и труды академика Е. Е. Голубинского с приложением «Воспоминаний» Е. Е. Голубинского. М., 1998. С. 213.

⁴⁸ Лесков Н. С. Церковные интриганы. Исторические картины // Исторический вестник. 1881. С. 390.

богословие», тома IV и V и 3) «Краткое начертание Православно-Догматического богословия».

7. РГИА. Ф. 796. Оп. 135. Д. 1951. О рукописи Преосвященного Макария, епископа Винницкого под названием «История русского раскола известного под именем старообрядчества».

8. РГИА. Ф. 796. Оп. 136. Д. 409. О новом проекте дополнительной статьи к истории «Русского раскола» епископа Винницкого.

9. РГИА. Ф. 796. Оп. 151. Д. 1422. О пересмотре в особой Комиссии устава Духовной Цензуры.

10. РГИА. Ф. 796. Оп. 167. 1886 г. Д. 2258. О пересмотре постановлений о цензуре и печати.

11. РГИА. Ф. 796. Оп. 196. Отд. II. Ст. 2. Д. 76. По предложению обер-прокурора об учреждении при Св. Синоде Центрального Издательского Комитета.

12. РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1884 г. Д. 42. По вопросу о правах Советов духовных Академий относительно цензуры книг, представляемых на их рассмотрение.

13. РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1355. Журналы заседаний Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета за 1855 г.

Литература

14. Барсов Н. И. Письма Макария митрополита Московского к Иннокентию, Архиепископу Херсонскому и Таврическому // Христианское чтение. 1884. № 5–6. С. 798–817.

15. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 10. СПб., 1896.

16. Волков А. А. Амфитеатров Яков Космич // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 206.

17. Гринченко Н. А., Патрушева Н. Г., Раскин Д. И. Цензура в России XIX – начала XX вв. // Русские писатели, 1800–1917: биограф. слов. М., 2007. Т. 5. С. 775–791.

18. Карпук Д. А. Духовная цензура в России во второй половине XIX в. (по материалам фонда Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета) // Христианское чтение. 2015. № 2. С. 210–251.

19. Котович А. Н. Духовная цензура в России (1799–1855 гг.). СПб., 1909.

20. Лесков Н. С. Церковные интриганы. Исторические картины // Исторический вестник. 1881. Т. 8. № 5. С. 364–390.

21. Макарий (Булгаков), еп. История русского раскола, известного под именем старообрядчества. СПб., 1855.

22. Письма Филарета, митрополита Московского, к Макарию, митрополиту Московскому // Церковный вестник. 1883. № 13. С. 10–11.

23. Полунов А. Ю., Соловьев И. В. Жизнь и труды академика Е. Е. Голубинского с приложением «Воспоминаний» Е. Е. Голубинского. М., 1998.

24. *Раздорский А. И., Д. Б. К.* Илиодор (Чистяков), архиеп. Курский и Белгородский // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 22. С. 233–235.

25. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. V. Ч. 1. М., 1887.

26. *Титов Ф.* Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Историко-биографический очерк. Киев, 1895. Т. I: Годы детства, образования и духовно-училищной службы митр. Макария (1816–1857 г.).

27. *Титов Ф., прот.* Московский митрополит Макарий Булгаков. Киев, 1915. Т. III: Литовский период в жизни митрополита Макария (1868–1879 гг.). Епархиальная деятельность митрополита в Литве и приложения.

28. *Чистович И. А.* История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857.

Dmitry Karpuk. Metropolitan Macarius (Bulgakov) and Ecclesiastical Censorship in the 19th Century.

Metropolitan Macarius (Bulgakov) is one of the most eminent bishops of the 19th century. He was best known, not only in the Russian Empire but also beyond its borders, for his fundamental studies in dogmatic theology and church history. During his years as inspector and professor of St. Petersburg Theological Academy, he made his first encounters with ecclesiastical censorship, with which he was connected for a long period thereafter: first as member of the St. Petersburg Ecclesiastical Censorship Committee, which was based in the Academy, and then as the author of a number of works in theology and church history. His status as an authoritative bishop notwithstanding, the ecclesiastical censors were stern in their evaluation of the works of Metropolitan Macarius. He was forced to rework certain of his publications and to await permission to print the publication over several years. In 1870, at the initiative of the Ober-Procurator of the Holy Synod, a Commission for the reconsideration of the Statute of Ecclesiastical Censors was established, and Metropolitan Macarius was appointed as the president of this commission. The recommendations of this commission, brought before the Holy Synod for consideration, allow us to evaluate Metropolitan Macarius as a person of broad ranging views who, in some respects, was ahead of his time.

Keywords: Metropolitan Macarius (Bulgakov), Metropolitan Philaret (Drozdov), Archbishop Innocent (Borisov), Metropolitan Gregory (Postnikov), Count Dimitry Tolstoy, St. Petersburg Theological Academy, theological censorship, Ober-Procurator of the Holy Synod, St. Petersburg Committee for Theological Censorship.

Dmitry Andreyevich Karpuk – Candidate of Theology, Lecturer and Secretary of the Department of Church History, Dean of the Graduate Program and Head Archivist at St. Petersburg Theological Academy (dimand3@yandex.ru).